

«Моя исповедь...»

Подробный дневник блокадницы Ангелины Ефремовны Крупновой-Шамовой найден в Санкт-Петербурге на городской свалке. Обнаружившие его пенсионеры передали уникальный документ в редакцию «Новой». Рукопись публикуется впервые.

Рукопись нашли два петербуржца, которым за восемьдесят, — Лев Михайлович Михрютин и Александр Петрович Шишлов. Нашли на помойке неподалеку от дома № 56 по улице Савушкина. В тетради в клетку — блокадная история Ангелины Ефремовны Крупновой-Шамовой.

В настоящее время редакция «Новой» не располагает подробными сведениями об Ангелине Ефремовне. Но нашим коллегам в Петербурге по городским адресным базам удалось выяснить, что она была прописана на 21-й линии Васильевского острова (кстати, это совпадает с местом действия некоторых событий, описанных в рукописи). Годы рождения Ангелины Ефремовны в справочных данных разные: по одним — это 1911-й, по другим — 1912-й. Журналисты «Новой» в Санкт-Петербурге также нашли номер телефона в квартире, где была прописана Крупнова-Шамова, но телефон пока молчит.

«Новая» просит откликнуться родственников или знакомых Ангелины Ефремовны.

Кровь и смерть

Умерла 26/IV 1942 г. наша дочь Милетта Константиновна, рожденная 11/VIII 1933 г. — 8 лет 8 месяцев и 15 дней от роду.

Федор жил с 7/IV 1942 по 26/VI 1942 года — 80 дней...

26/IV дочь умерла в час ночи, а в 6 утра кормить Федора грудью — ни одной капли молока. Детский врач сказала: «Я рада, а то мать (то есть я бы) умерла и оставила бы трех сыновей. Не жалею дочь, она недоносок — умерла бы в восемнадцать — обязательно».

Ну а раз молока нет, я 3/V 1942 года сдала в Институт переливания крови на 3-й Советской улице, не помню, сколько гр., так как я донор с 26 июня 1941 года. Будучи беременной Федей, сдала крови: 26/VI — 300 гр., 31/VII — 250 гр., 3/IX — 150 гр., 7/XI — 150 гр. крови. Больше уже нельзя. 11/XII — 120 гр. = 970 гр. крови.

12/I 1942 г. — уже давно ходили пешком, я шла по льду наискосок от университета к Адмиралтейству по Неве. Утро было солнечное, морозное — стояли вмерзшие в лед баржа и катер. Шла с 18-й линии В.О. сначала по Большому пр. до 1-й линии и до Невы мимо Меньшикова дворца и всех коллегий университета. Потом от Невы по всему Невскому пр., Староневскому до 3-й Советской...

А как разделась, врач — молодой мужчина — ткнул рукой в грудь: «Что это?» А я ответила: «Буду в четвертый раз матерью». Он схватился за голову и выбежал. Вошли сразу три врача — оказывается, беременным нельзя сдавать кровь — карточку донора зачеркнули. Меня не покормили, выгнали, а я должна была получить справку на февраль 1942 года, на рабочую карточку и паек (2 батона, 900 гр. мяса, 2 кг крупы), если бы у меня взяли кровь...

Шла обратно медленно-медленно, а дома ждали трое детей: Милетта, Кронид и Костя. А мужа взяли в саперы... Получу за февраль иждивенческую карточку, а это — 120 гр. хлеба в день. Смерть...

Когда на лед взошла, увидела справа под мостом гору замерзших людей — кто лежал, кто сидел, а мальчик лет десяти, как живой, припал головкой к одному из мертвецов. И мне так хотелось пойти лечь с ними. Даже свернула было с тропы, но вспомнила: дома трое лежат на одной полутораспальной кровати, а я раскисла — и пошла домой.

В квартире четыре комнаты: наша — 9 метров, крайняя, бывшая конюшня хозяина четырех домов (19, 19А, 19Б, 19В). Воды нет, трубы лопнули, а все равно люди льют в туалеты, жижа льет по стене и застывает от

мороза. А стекло нет в окнах, еще осенью все они выбиты от взрыва бомбы.

Пришла домой повеселевшая, а дети рады, что пришла. Но видят, что пустая, и ни слова, молчат, что голодные. А дома лежит кусочек хлеба. На три раза. Взрослому, то есть мне — 250 гр., и три детских кусочка — по 125 гр. Никто не взял...

Затопила печку, поставила 7-литровую кастрюлю, вода закипела, бросила туда сухую траву черничника и земляничника. Разрезала по тоненькому кусочку хлеба, намазала очень много горчицы и очень крепко посолила. Сели, съели, очень много выпили чаю и легли спать. А в 6 часов утра надеваю брюки, шапку, пиджак, пальто, иду очередь занимать. В 8 только откроется магазин, а очередь длинная и шириной в 2—3 человека — стоишь и ждешь, а самолет врага летит медленно и низко над Большим пр. В.О. и льет из пушек, народ разбегается, а потом снова в свою очередь встает без паники — жутко...

А за водой на санки ставишь два ведра и ковшик, едешь на Неву по Большому проспекту, 20-й линии к Горному институту. Там спуск к воде, прорубь, и черпаешь в ведра воду. А вверх поднять сани с водой помогаем друг другу. Бывает, половину пути пройдешь и разольешь воду, сама вымокнешь и снова идешь, мокрая, за водой...

Пуповина

В квартире пусто, кроме нас никого, все ушли на фронт. И так день за днем. От мужа — ничего. И вот наступила роковая ночь 7/IV 1942 г. Час ночи, схватки. Пока одела троих детей, белье собрала в чемодан, двоих сыновей привязала к санкам, чтобы не упали, отвезла их во двор к помойке, а дочь и чемодан оставила в подворотне. И родила... в брюки...

Забыла, что у меня дети на улице. Шла медленно, держась за стену своего дома, тихо-тихо, боялась задавить малютку...

А в квартире — темно, а в коридоре — вода с потолка капает. А коридор — 3 метра шириной и 12 — в длину. Иду тихо-тихо. Пришла, скорей расстегнула штаны, хотела положить малыша на оттоманку и от боли потеряла сознание...

Темно, холодно, и вдруг открывается дверь — входит мужчина. Оказалось, он шел через двор, увидел двоих детей, привязанных к санкам, спросил: «Куда едете?» А пятилетний мой Костя и говорит: «Мы едем в родильный дом!»

«Эх, дети, наверно, вас мама на смерть привезла», — предположил мужчина. А Костя и говорит: «Нет». Мужчина молча взялся за санки: «Куда везти?» А Костюха командует. Смотрит человек, а тут еще одни санки, еще ребенок...

Так и довез детей до дому, а дома зажег огарок в блюдечке, лак-фитиль — коптит ужасно. Сломал стул, разжег печурку, поставил кастрюлю с водой — 12 литров, побежал в родильный... А я встала, дотянулась до ножниц, а ножницы черные от копоти. Фитилек обрезала и разрежала такими ножницами пуповину напополам... Говорю: «Ну, Федька, половина тебе, а другая — мне...» Пуповину ему я обвязала черной ниткой 40-го номера, а свою — нет...

Я же, хоть и четвертого родила, но ничегошеньки не знала. А тут Костя достал из-под кровати книгу «Мать и дитя» (я всегда читала в конце книги, как избежать нежелательной беременности, а тут прочла первую страницу — «Роды»). Встала, вода нагрелась. Перевязала Федору пуповину, отрезала лишний кусок, смазала йодом, а в глаза нечем пускать. Едва дождалась утра. А утром пришла старушка: «Ой, да ты и за хлебом не ходила, давай карточки, я сбегаю». Талоны были отрезаны на декаду: с 1 по 10-е число, ну а там оставалось 8, 9 и 10-е — 250 гр. и три по 125 гр. на три дня. Так этот хлеб нам и не принесла старушка... Но 9/IV я ее увидела мертвую во дворе — так что не за что осуждать, она была хорошим человеком...

Сестра пришла из родильного и кричит: «Где вы, у меня грипп!» А я кричу: «Закройте дверь с той стороны, а то холодно!» Она ушла, а Костя пятилетний встал и говорит: «А каша-то сварилась!» Я встала, печку затопила, да каша застыла, как кисель.

Вот съели мы эту кашу без хлеба и выпили 7-литровую кастрюлю чаю, я одела Феденьку, завернула в одеяло и пошла в роддом имени Ведемана на 14-ю линию. Принесла, мамочек — ни души. Говорю: «Обработайте пупок сыну». Доктор в ответ: «Ложитесь в больницу, тогда обработаем!» Я говорю: «У меня трое детей, они остались в квартире одни». Она настаивает: «Все равно ложитесь!» Я на нее заорала, а она позвонила

главврачу. А главврач заорал на нее: «Обработайте ребенка и дайте справку в загс на метрики и на детскую карточку».

Она развернула ребенка и заулыбалась. Пуповину, перевязанную мной, похвалила: «Молодец, мама!» Отметила вес малыша — 2,5 кг. В глазки пустила капли и все справки дала. И пошла я в загс — на 16-й линии он располагался, в подвале исполкома. Очередь огромная, люди стоят за документами на мертвых. А я иду с сыном, народ расступается. Вдруг слышу, кто-то кричит: «Нахлебника несешь!» А другие: «Победу несет!»

Выписали метрики и справку на карточку детскую, поздравили, и пошла я к председателю исполкома. По лестнице широкой поднялась и увидела старичка, сидящего за столом, перед ним — телефон. Спрашивает, куда и зачем иду. Отвечаю, что родила сына в час ночи, а дома еще трое детей, в коридоре — вода по щиколотку, а в комнате — две стены лицевые, и к ним прилипли подушки наполовину мокрые, а со стен жижа ползет...

Он спросил: «В чем нуждаетесь?» Я ответила: «Дочь восьми лет, сидя ночью под аркой на санках, продрогла, ей бы в больницу».

Он нажал какую-то кнопку, вышли три девушки в военной форме, как по команде, подбежали ко мне, одна взяла ребенка, а две — меня под руки и проводили домой. Я расплакалась, устала вдруг, едва-едва дошла до дому...

В тот же день нас переселили в другую квартиру на нашей же лестнице — четвертый этаж. Печка исправная, в окно вставлены два стекла из нашего книжного шкафа, а на печке — 12-литровая кастрюля стоит с горячей водой. Врач женской консультации, пришедшая тоже на помощь, принялась мыть моих детей, первой — Милетту — голая голова, ни одного волоса... Так же и у сыновей — тощие, страшно смотреть...

Ночью — стук в дверь. Я открываю, стоит в дверях моя родная сестра Валя — она пешком шла с Финляндского вокзала. За плечами — мешок. Раскрыли, боже: хлеб чисто ржаной, солдатский, булка — кирпичик пышный, немного сахара, крупа, капуста кислая...

Радио работало сутки. Во время обстрела — сигнал, в убежище. Но мы не уходили, хотя наш район несколько раз в день из дальнбойных орудий обстреливали. Но и самолеты бомб не жалели, кругом заводы...

26/IV 1942 г. — Милетта умерла в час ночи, а в шесть утра радио известило: норму на хлеб прибавили. Рабочим — 400 гр., детям — 250 гр... Целый день в очередях провела. Принесла хлеб и водку...

Милетту одела в черный шелковый костюм... Лежит на столе в маленькой комнате, прихожу домой, а два сына, семи лет Кронид и пяти лет Костя, валяются пьяные на полу — половина маленькой выпита... Я испугалась, побежала на второй этаж к дворнику — ее дочь окончила мединститут. Она пришла со мной и, увидев детей, засмеялась: «Пусть спят, лучше их не тревожь»...

Глаза заросли мхом

6/V 1942 г. утром ушла за хлебом. Прихожу, а Кронид не узнать — опух, стал очень толстым, на куклу Ваньку-встаньку похож. Я его завернула в одеяло и потащила на 21-ю линию в консультацию, а там — закрыто. Тогда понесла его на 15-ю линию, где тоже дверь на замке. Принесла обратно домой. Побежала к дворничихе, позвала доктора. Врач пришла, посмотрела и сказала, что это третья степень дистрофии...

Стук в дверь. Открываю: два санитары из больницы имени Крупской — по поводу дочки. Я перед их носом дверь закрыла, а они снова стучат. И тут я опомнилась, дочки-то нет, а Кроня, Кронечка-то живой. Я дверь открыла, объяснила, что сына надо в больницу. Закутала его в одеяло и пошла с ними, прихватив метрики и детскую карточку.

В приемном покое врач мне говорит: «У вас же — дочь». Отвечаю: «Дочь умерла, а вот сын болен...» Сына взяли в больницу...

Слез нет, но на душе пусто, жутко. Костюха притих, меня целует и за Федей ухаживает, а Федя лежит в ванне детской, оцинкованной...

9/V 1942 г. Мой муж пришел пешком с Финляндского вокзала на сутки. Сходили за тележкой и справкой для похорон на Смоленском кладбище. Кроме моей малышки — два неопознанных трупа... Одну из умерших дворники волокли за ноги, и голова ее стучала по ступенькам...

На кладбище нельзя было плакать. Милетту отнесла и положила аккуратно на «поленницу» из умерших незнакомая женщина... 15 дней пролежала Милетта дома, глаза мхом заросли — пришлось личико закрыть шелковой тряпочкой...

Легкая земля

По радио говорят: «Каждый ленинградец должен иметь огород». Все скверы превращены в огороды. Семена моркови, свеклы, лука дают бесплатно. У нас на Большом проспекте посажены лук и щавель. Еще радиообъявление: можно получить пропуск в Бергардовку, во Всеволожск, а у меня там Валя в госпитале работает. Я в 16-е отделение милиции, к начальнику. Он мне пропуск выписывает, а я его прошу на время отъезда няню. И он вызывает женщину — Рейн Альму Петровну и спрашивает ее: «Пойдешь в няньки к ней? — на меня указывая. — У нее три сына: один семи, второй — пяти лет, а третий и вовсе новорожденный...»

Она пошла ко мне домой. А я пешком на Финляндский вокзал. Поезд шел ночью, обстрелы. Приехала я во Всеволожск в пять утра: солнце, листья на деревьях распускаются. Валин госпиталь — бывший пионерлагерь.

Сажу на берегу речки, птицы поют, тишина... Как в мирное время. Вышел из дома какой-то дедушка с лопатой. Спрашивает: «Что здесь сидите?» Объясняю: «Вот, приехала огород копать, а лопату в руках не умею держать». Он мне дает лопату, показывает, как копать, а сам садится и смотрит, как я работаю.

У него земля легкая, ухоженная. Большой участок перекопала, а тут и моя Валя пришла: несет хлеб и пол-литра черной смородины...

Я села, понемногу щиплю хлеб, ем ягоды, запиваю водой. Подошел ко мне дед и говорит: «Пиши заявление — даю тебе две комнаты и комнатку на чердаке...»

Так я своих недалеко, но из города вывезла. Феденьку взяли в круглосуточные ясли, а за Костюхой смотрел дед...

6/VI поехала в Ленинград за Кронидом. Выписали его из больницы с диагнозами: дистрофия III степени, паратиф, остеомиелит. Ни одного волоса на голове, но вшей белых, крупных 40 штук убили. Целый день сидели на вокзале. Познакомилась с женщинами, которые объяснили: это трупная вошь, к человеку здоровому не бежит...

В пять утра вышли из поезда. Сын тяжелый, несущий на руках, голову не может держать. Когда добрались до дома, Валя на него посмотрела и заплакала: «Умрет...» Пришла врач Ирина Александровна, укол сделала и молча ушла.

Кроня открыл глаза и сказал: «Я — молодец, даже не поморщился». И заснул...

А в 9 часов утра пришли доктора: главврач госпиталя, профессор и медсестра, осмотрели, дали рекомендации. Мы их, как могли, выполняли. Только он все равно голову не держал, очень был слаб, не ел — только пил молоко. День за днем немного поправлялся...

Я старалась заработать. Девичьи гимнастерки делала, убавляя те, что были шиты для мужиков. А заказчицы мне несли кто похлебку, кто кашу. А я, как умела, все шила.

Сын умирал, как взрослый

На побывку приехал муж и сообщил, что из саперов его переводят в машинисты, в Ленинград. «Я же моряк, — сказал. — И паровозов не знаю». Начальник его даже обнял: «Это еще лучше: принимай новенький катер в ЦПКиО, грузы в товарняк — и на Ладугу!...»

6/VII 1942 г. Едем в Ленинград. Кроню должны положить в больницу, а я сдаю кровь — надо детей подкормить... Сажу с сыновьями в Институте переливания крови — там, где доноров кормят обедом. Хлебаем суп, а нас военный корреспондент снимает и, улыбаясь, говорит: «Пусть фронтовики посмотрят, как вы здесь, в Ленинграде...» Потом идем в больницу Раухфуса. Там у меня берут документы, и Кроня уходит в палату. Сын пролежал в больнице четыре месяца...

А 26/VII умер Феденька, Федор Константинович. Я его взяла из яслей уже безнадежного. Умирал, как взрослый. Вскрикнул как-то, глубоко вздохнул и выпрямился...

Я его завернула в одеяльце-конверт, очень красивое, шелковое, и понесла в милицию, где выписали

похоронное свидетельство... Отнесла я его на кладбище, здесь же нарвала цветов, в землю его положили без гроба и закопали... Я даже не могла плакать...

1 июля 1942 года я пришла в отдел кадров пароходства. Рассказала: дочь и сына похоронила. А муж служит на Ладоге. Попросилась в матросы. Объяснила: карточек мне не надо, я — донор, получаю рабочую карточку, а надо мне постоянный пропуск на Ладогу. Он взял паспорт, поставил штамп, выписал пропуск до Осиновца, осиновецкого маяка. Выписал постоянный билет во второй вагон идущего туда поезда — бесплатный, и уже 10 числа я приехала в пункт назначения. В порт меня пропустили. Мне объяснили, что катер, возивший эвакуированных и продукты (хорошо, груз успели выгрузить), во время бомбежки ушел на дно. А команда — капитан, механик и матрос — спаслись, выплыли. Потом катер подняли, и теперь он в ремонте...

Катера шли обычно в Кобону, везли живой груз... Время от времени я ездила в город. Но взять с собой даже крупинки, даже пылинки муки не могла — если найдут, тут же расстрел. Над пристанью, где лежат мешки с крупой, горохом, мукой, самолет бреющим полетом пролетит, продырявит, в воду запасы сыплются — беда!

Мой Костя делал закуску и пек оладьи — к нам приходил весь пирс. Наконец, начальник порта распорядился снабжать нас мукой и маслом. А то грузчики и военные доставали из воды размокшую массу и — на плиту. Съедят, и тут же заворот кишок, умирают... Сколько таких случаев было!

Так что я опять пришлось ко двору. У меня две рабочих карточки: одну отдаю в детский сад, там довольны, за Костюхой уход хороший, а другую карточку даю Вале. Как еду к деду, у которого наши вещи, он меня капустой и ягодами балует. И еще дает яблочки, я их в Ленинград, в больницу к Кроне. Угощу няньку, врача, разнесу письма из Осиновца и обратно на Ладогу, в порт... Так и верчусь, как белка в колесе. Улыбки людей — в подарок, да и муж рядом...

27/VIII. Быстро лето прошло. Ладога бурная, холод, ветер, бомбежки усилились... Плыдем в Кобону. Груз выгрузили, недалеко от берега катер пошел ко дну.

Костю направили на водокачку (станция Мельничный Ручей). Сутки дежурит, двое — свободен...

Кроню в то время из больницы имени Раухфуса перевезли в больницу на Петроградку, сказали, что там сделают операцию. Положили его в женское отделение. Женщины его полюбили — учили шитью, вязанию...

В конце декабря Кроне удалили кусок челюсти, в январе велели забирать домой.

3/I 1943 г. Снова ходила просить жилье, предложили пустующий дом в Мельничном Ручье...

Человек родился!

...Долго не бралась за дневник — не до того было. Пошла к докторам. Они меня осматривают, слушают, как ты там у меня растешь, а я с тобой разговариваю, глажу тебя — мечтаю, чтобы ласковая росла, пригожая, умная. А ты как будто слышишь меня. Костя кроватку уже тебе принес плетеную — очень красивую, ждем тебя с великой радостью. Знаю, что ты — дочка моя, растешь, знаешь, какой была Милетта...

Помню, блокада — она братьев бережет. Я уйду, а они втроем одни. Как начнется бомбежка, она всех — под кровать... Холод, голод, она последними крошками с ними поделится. Видела, как я хлеб делю, и тоже делила. Оставит себе кусочек поменьше, а горчицы побольше, как я... Страшно одним в четырехкомнатной квартире... Как-то бомба во дворе разорвалась — стекла с соседнего дома сыплются, а наш шатается...

...Я кровь не сдаю с мая месяца, так как знаю, что это вредно тебе, моя ненаглядная доченька. Вышла за поленом, мимо соседи идут — радуются, прорвана блокада...

Солдаты 63-й Гвардейской дивизии подарили моему мужу Косте новую офицерскую шубу. Полная изба народу, шум, шутки, счастье! Неужели позади блокада!

2/II 1943 г. Я говорю Косте: «Беги за врачом, начинается!» На плите стоит 12-литровая кастрюля с теплым кипятком, а в 7-литровой уже кипит вода. А вчера, 1 февраля, меня смотрел врач, запустил капли в глаза, дал мне йод, шелковую нитку в мешочке и сказал: «В госпиталь не ходи — там дикий холод, и весь он завален покойниками, да и находится за 4 километра от дома...»

Вернулся муж, лица на нем нет. Не обнаружил в больнице ни единого человека — видно, ночью тихо снялись... Люди ему сказали, что слабых отправили в тыл, а тех, кто покрепче, — на фронт...

Схватки уже нетерпимые. Дети спят в комнате, я стою в корыте, в Костиной рубашке. Он — напротив меня, ножницы наготове... Уже держит твою головку, уже ты у него на руках... Лицо у него светлое... Я беру тебя на руки. Он режет пуповину, смазывает йодом, завязывает. Рядом ванночка. Льет на головку воду — голова у тебя волосатая. Орешь, дети вскакивают, отец им кричит: «На место!»

Заворачивает тебя, несет на кровать...

Я моюсь, Костя берет меня на руки и тоже несет на кровать. А сам выливает из емкостей воду, моет пол, моет руки и приходит смотреть, как ты спишь в кроватке. Потом подходит ко мне, гладит по голове, желает спокойной ночи, идет спать на кухонную скамью... Луна за окном огромная...

Утром муж говорит мне: «Всю ночь не спал, слушал, как сопит дочь. И надумал: давай назовем ее Надеждой и будем думать, что нас ждет Надежда и радость».

Справка

В Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда, образованном еще в годы войны, поясняют: чем больше десятилетий нас отделяет от блокадных лет, тем реже музейщикам приходится принимать документы и тем более подлинные письма и дневники, свидетельствующие о событиях тех лет.

После Победы экспозиция насчитывала 37 654 экспоната, среди которых был даже искореженный взрывом снаряда вагон блокадного трамвая. В 1953 году этот музей был на десятилетия закрыт в связи с «ленинградским делом» и восстановлен только на пороге 90-х.

Сейчас собрание музея насчитывает более 35 тысяч экспонатов.

По словам техника фонда Ольги Редькиной, принимающей свидетельства прошлого, «наибольший интерес представляют подлинные документы, и это понятно».

«В основном новинки приносят родственники умерших блокадников, реже — знакомые и соседи, — говорит она. — Настоящих дневниковых записей, представляющих исторический, документальный и тем более литературный интерес, по сравнению с сохранившимися документами, боевыми наградами, личными вещами блокадников, участников обороны города, немного. Лучше об этом скажут научные сотрудники, историки и литераторы».

Автор: Артур Скальский © Новая газета ИСТОРИЯ, МИР 👁 7613 30.04.2010, 15:12 📌 383

URL: <https://babr24.com/?ADE=85481> Bytes: 21460 / 21411 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)